

Елена Шварц

И думает: кругом война,
И нет его на свете...
Здесь я!
На полированном столе
У лагерфюрера, а братья
Уже давно лежат в золе
В одном мучительном объятье!

Зверь-цветок

Предчувствие жизни до смерти живст.
Холодный огонь вдоль костей обожжет --
Когда светлый дождик пройдет,
В день Петров, на изломе лета.
Вот-вот цветы взойдут, алая,
На ребрах, у ключиц, на голове...
Напишут в травнике — елена агбога,
Во льдистой водится она Гиперборее,
В садах кирпичных, в каменной траве.
Из глаз полезли темные гвоздики,
Я — куст из роз и незабудок сразу,
Как будто мне привил садовник дикий
Тяжелую цветочную проказу.
Я буду фиолетовой и красной,
Багровой, желтой, черной, золотой,
Я буду в облаке жужжащем и опасном
Шмелей и ос заветный водопой.
Когда ж я отцвету, о боже, боже,
Какой останется искусанный комок,
Остывшая и с лопнувшю кожей —
Отцветший полумертвый зверь-цветок.

Орфей

На пути обратном
Стало страшно --
Сзади хрипело, свистело,
Хрюкало, кашляло.
Эвридика:
«По сторонам не смотри, не смей,
Край — дикий».
Орфей:
«Не узнаю в этом шипе голос своей
Эвридики».

Эвридика:

«Знай, что пока я из тьмы не вышла —
Хуже дракона.
Прежней я стану, когда увижу
Снь небосклона.
Прежней я стану, когда задышит
Грудь с непривычки больно.
Кажется, близко, кажется, слышно —
Ветер и море».

Голос был задышливый, дикий,
Шелестела в воздухе борода.

Орфей:

«Жутко мне, вдруг не тебя, Эвридика,
К звездам выведу, а...»

Он взял, обернулся, сомнением томим, —
Змецца, с мольбою в глазах,
С бревна толщиною, спешила за ним,
И он отскочил, обьял его страх.

Из мерзкого брюха
Тянулись родные тонкие руки,
Со шрамом знакомым, — к нему.

Он робко ногтей розоватых коснулся.

«Нет, сердце твое не узнало,
Меня ты не любишь, —

С улыбочкой горькой змея прошептала: —
Не надо! Не надо!» —

И дымом растаяла в сумерках ада.

Невидимый охотник

Может быть — к счастью или позору —
Вся моя ценность — только в узоре
Родинки, кожу мою испещрявших,
В темных созвездьях, небо забывших.
Вся она — карточка северной ночи —
Лебедь, Орел, Андромеда, Возничий,
Гвоздья, и гроздья, и многоточья...
Ах, страшны мне эти отличья!

Нет, ни дар, ни душа, ни голос, —

Кожа — вот что во мне оказалось ценнее,
И невидимый меткий охотник,
Может, крадется уже за нею.

(Бывают такие черепахи,
И киты такне бывают —
Буквы у них на спине и знаки,
Для курьезу их убивают.)
Не на чем было, быть может, флейтисту,
Духу горнему, записать музыку.
Вот он проснулся средь вечной ночи,
Первый схватил во тьме белый комочек
И нацарапал ноты, натыкал
На коже нерожденной, бумажно-снежной...
Может, ищет, найдет и срежет.
(Знают ли соболей, и норка, и белка,
Сколько долларов стоит их шкурка?)
Сниет ли мозг и улетит душа,
Но кожу — нет! — и червь не съест,
И там — мою распластанную шкурку,
Глядишь, и сберегут, как палимпсест
Или как фото неба-младенца.
Куда же мне спрятаться, смяться бы, деться?
Чую дыхание, меткие взоры...
Ах, эти проклятые на гибель узоры.